

На иной планете

Лора и Тонино Гуэрра о Параджанове

Нынешний приезд в Москву супругов Гуэрра совпал со всеми минувшими праздниками: Рождеством, католическим и христианским, Новым годом... Но в те же дни, где бы ни находились Тонино и Лора, они всегда поминают давнишнего друга и коллегу — Сергея Параджанова, которому 9 января исполнилось бы 77 лет. Кстати, дни рождения Гуэрры и Параджанова могли быть рядом. Как шутит Тонино, всемирно признанный писатель, киносценарист, поэт и художник, если бы он, Гуэрра, не пересидел в материнском животе два месяца (!), мог бы организовать в российской столице, например, 16 января званый обед по случаю начала отсчета девятого десятка прожитых им лет, а не отмечать эту памятную дату 16 марта в родном Сант-Арканджело.

...Признаюсь: наша беседа, посвященная неизвестным подробностям жизни и творчества Параджанова, имела, как и почти все, что связано с Сергеем Иосифовичем, мистический налет. В день моей встречи с четой Гуэрра (Лора не только жена и друг Тонино, но и его переводчик, редактор) в доме, где они живут, отключили и отопление, и электричество (Тонино спасался жакетами и пледом, между которыми лежала грелка): коды дверей двора, подъезда и квартиры оказались ненужными — они отворялись, словно слыша имя великого волшебника — «Параджанов»... В тот момент, когда теплолюбивые гости из Италии стали подмерзать и ерзать, желая выйти на улицу, чтобы согреться горяченьким, диктофон своевременно притормозил запись нашего интервью.

— Когда, при каких обстоятельствах вы познакомились с Параджановым?

Тонино (задумывается): Кажется, в Тбилиси. В 79-м...

— Вы помните свой первый визит в дом, где жил Параджанов и от которого после недавней перепланировки теперь осталась лишь памятная доска на грузинском языке?

Т.: С Параджановым меня связывает одна Ветреча. Одна не по количеству, а в целом. Но каждое общение с ним я воспринимал как очередное знакомство. Оно касалось его волшебного присутствия. Которое ощущал всегда и везде, где бы ни находился, — дома, в Италии, Москве, Тбилиси...

Например, приходишь к Серджику на Котэ Месхи. Не ожидая ничего особенного. А он вдруг тащит из дома: «Пойдем на похороны бульжников!» Естественно, Параджанов не мог усидеть дома, когда выравнивали асфальтом родную улицу, мощенную бульжниками. А как он рассказывал об этих камнях-стариках! Мы там стояли, словно на похоронах дорогого человека. В следующий раз он повел меня в ателье в старом Тбилиси, где на болванках шили известные кепки-«аэродроны»...

Лора: Нас захотел познакомить с Параджановым и повел к нему домой Эльдар Шенгелая. Туда мы приехали с Рустамом Хамдамовым, позже пришла Софиико Чиатурели, другие известные грузинские кинематографисты. Что делал Серджа в ожидании Тонино? Во дворе, под ореховым деревом, рядом с фонтаном, рассадил все куклы, сделанные им собственноручно. Деревянные перила лестниц изумительно раскрасил в белый и красный цвета, развесил свои ковры, вместо тарелок на домашнем столе разложил листья инжира. Там же неповторимым натюрмортом выложил экзотические салаты. Вместо скатерти сверкало зеркало. Все стоя дожидались нас, чуть приподжавших. Мы взбирались на горку, рассматривая балконы, откуда слева и справа продирались свеживалые соседи, предвещающая очередной спектакль Параджанова. После той встречи Тонино каждое утро в 8 часов приходил только к Серджику. На студии «Грузия-фильм» возникли обиды, ревность коллег...

Гуэрра — по сути первый иностранец, гостивший у Параджанова. Потом у него бывали Франсуаза Саган, Марчелло Мастроянни, Ален Гинзбург... Знаете, как Серджик любил приветствовать Гуэрру? Кричал своим характерным голоском: «Та-ни-на! — Шта-ни-на!» (Смеется). Какие потом возникли взаимные симпатии!

— Каким образом вам стало известно об отсидке Параджанова в украинских лагерях, если силовые ведомства Киева почти неделю скрывали от его родных и коллег по студии имени Довженко даже факт ареста?

Т.: Подобные новости поступали к нам из уст всезнающих литературных секретарей, переходивших от одного именитого человека к другому. Меня, видимо, информировал странный русско-албанско-итальянский человек — Анджело де Дженти, в 1975 году сопровождавший нас с Антонио в дни Московского кинофестиваля. Этот парень постоянно ездил в Россию.

Л.: Мне кажется, он работал агентом КГБ... Позвольте рассказать малоизвестную историю. Приехав в Москву, Тонино и Антонио-

Лора и Тонино Гуэрра с автопортретом главы их творческого семейства.

«Автопортрет в готическом стиле» (1976 – 1977). Коллаж С.Параджанова (бумага, металл, сухие растения, карандаш).

ни первым делом спросили меня и «прикомандированного» переводчика: «Как передать деньги для нужд арестованного на Украине Параджанова?» Все (и я с ними) пошли на прием к Ермашу, тогдашнему председателю Госкино СССР. Антониони и Гуэрра сразу заявили о намерении помочь установить в отсидке лагеря, где сидел Параджанов, холодильник, телевизор... На что Ермаш ответил: «Мы не можем этого сделать — в наших тюрьмах условия заключения для всех одинаковы».

— Вы обещали рассказать о встречах с нынешним президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе по поводу судьбы арестованного тогда Параджанова?

Т.: Напомню: в 1981 году Серджик сидел в тбилисской тюрьме. А я находился в Ликани (Западная Грузия), элитном санатории. Вдруг разнесся слух — для прохождения курса особых процедур сюда приезжает Шеварднадзе, в то время первый секретарь ЦК Компартии Грузии. Мне было любопытно узнать, как он лечится, ибо Шеварднадзе ежегодно проводил здесь часть отпуска. И я выяснил: боржомской водой ему вычищают шлаки. Спусти пару дней по моей просьбе я прошел ту же процедуру. Тогда же я встретился с Шеварднадзе. Он был исключительно вежлив, внимателен. Но замечу: еще до знакомства произошел заочный обмен нашими своеобразными рецензиями. По просьбе Шеварднадзе нам показали документальный фильм о Витторио Селле (уникальный итальянский фотограф-исследователь), подготовленный Резо Табуакишвили, нашим другом. В свою очередь Шеварднадзе увидел «Амаркорд» — ленту Феллини, сня-

тую по моему сценарию.

Наш разговор я начал тем, что восхитился искусством Параджанова. Затем объяснил, почему в Советском Союзе недооценивают его творчество. Я сказал Шеварднадзе: Серджик — по сути единственный режиссер в мире, кому удалось передать на экране непрозрачный, мерцающий воздух сказки-мечты. Из любого пейзажа он делал натюрморты, киноживопись. Все его персонажи выглядят преувеличенно (глаза, усы, брови), словно герои Чаплина 20-х годов. Но это не протест против дней сегодняшних или всей нашей жизни. Это мощная воля Параджанова, заставляющая людей переселиться в иной мир, присущий только ему самому. Мир, переполненный легендами и народными фантазиями.

Параджанов находился за решеткой, пока шло следствие по его «делу». Поэтому рассказал первому секретарю ЦК республиканской компартии, каковы масштабы огромного интереса в Европе, в частности во Франции и Италии, к «темным» главам жизни Параджанова. Тут же сообщил Шеварднадзе, что я послал общественных комитетов за освобождение Серджика.

Л.: В разговоре с Шеварднадзе (Тонино тогда не хотел говорить об этом) я в ходе перевода от себя сообщила: накануне приезда в Грузию Гуэрра в моем присутствии беседовал по данному поводу с президентом Франции Миттерраном. Причем, загодя узнав о предстоящей встрече, парижские журналисты звонили нам еще в Италию.

Обо всем этом наверняка известны местным чекистам: нас, ехавших сначала в Зугдиди, к нашей подруге, а затем направлявшихся в

«Странная и смешная жизнь отца» (1984). Ансамбляж С.Параджанова (дерево, стекло, гипс, бумага, металл, пластмасса, холст, кожа, папье-маше, кружево, зерна пшеницы).

Тбилиси, на полпути притормозила милиция: «Ваша виза только до Батуми». Лишь после встречи с Шеварднадзе в Ликани нам разрешили — таки добраться до грузинской столицы.

...Можно напомню фразу Тонино, которая, на мой взгляд, оказалась, как говорится, судьбоносной? Он не любит об этом упоминать, но Гуэрра сказал Шеварднадзе следующее, глядя ему в глаза: «Зачем вам, грузинам, вашими руками исполнять грязные намерения Москвы?»

— Как отреагировал высокопоставленный собеседник?

Т.: Он доброжелательно вслушивался в мои слова. У него очень умные глаза, отражавшие пристальное внимание и искреннее стремление понять меня. И я понял: Шеварднадзе уже решил, что он будет делать, вернувшись в Тбилиси.

Л.: На следующий день Параджанова освободили. Поскольку Тонино напирал на то, что у Серджики нет ни работы, ни квартиры, после освобождения ему предложили снять вместе с Додо Абашидзе «Легенду» о Сурамской крепости. Картину закончили в 1984 году — тогда же мы (Тонино после операции) вторично приехали в Ликани, где услышали: новый фильм не нравится местным властям. Их мнение — лента не о Грузии...

Т.: Узнав о нашем очередном приезде, Шеварднадзе позвонил и попросил посмотреть «Легенду». Его интересовала моя точка зрения о фильме. Уже в Тбилиси мы поехали с Серджиком на просмотр в небольшой зал (если не ошибаюсь, городского Дома кино), заполненный, судя по всему, чиновниками республиканского Госкино. Я и Лора сидели в первом ряду, Параджанов — на галерке...

Л.: Мы — единственные, кто после каждой части картины изо всех сил хлопал. Еще не включили свет в зале, когда Тонино, сильно похулевший после операции, вскочил и, выкинув руку вверх (повторяя почему-то известный жест Муссолини), закричал: «Капо лаворе!» — «Это — шедевр!»

Т.: Мне кажется, Параджанов очень растрогался (внезапно замолк и отвернулся к окну, незаметно смахнув слезу. «И так почти каждый раз, когда вспоминаем о Серджики», — почти шепотом призналась Лора): в углу его глаз я увидел слезы...

— А реакция остальных зрителей?

Л.: Гробовое молчание.

Т.: Мы просьбу Шеварднадзе выполнили, передав через его дочь наше мнение по поводу «Легенды». Судя по всему, именно после этого фильм быстро разошелся по всему миру. Серджик почти все — и в жизни, и на экране — делал с мало кому понятной иронией (вновь тягостная пауза — голос почти «поплыл»). Я и сейчас никого не стану обвинять в том, что не сразу поняли феномен «Легенды». Может, скептики оказались менее профессиональны или не рискнули тогда высказаться против единого мнения «верхов». И у меня бывало такое, когда не мог своевременно оценить то, что позже люди назвали шедевром.

— Могли бы вы, иностранец, хорошо знающий эпоху СССР изнутри, объяснить, почему Система планомерно «охотилась» за Параджановым?

Т.: На мой взгляд, это легко понять. Его искусство не понимали чиновники КПСС. Справедливости ради отмечу: творчество Серджики повсеместно воспринималось с трудом. Но Система равнодушна к тому, что заставляет людей мечтать.

Однако я, будучи на твоём месте, задал бы другие глобальные вопросы: почему в Италии, когда она находилась под игом соседних государств и не была объединена, так расцвело искусство? Например, в эпоху Возрождения. Почему наибольшее количество качественно лучших советских фильмов появилось в эпоху диктатуры Системы? Получается, искусству необходимо давление, насилие, и в противостоянии этому рождаются шедевры? Значит, сила человека резко возрастает, когда он противостоит кому-то — когда художник борется с чем-то, рождаются великие творения.

— Жизнь Параджанова в зоне должна была воплотиться в 4 задуманных им фильмах: «Ничего не смогу снять, прежде чем не сниму обо всем, что пережил». Но получилась одна картина Ильенко по сценарию, надиктованному Параджановым.

Т.: И меня спрашивают: почему я ничего не написал о своем плене в Германии?

Л.: Тонино провел год в лагере. Т.: Об этой главе своей жизни я написал лишь одно стихотворение «Бабочка». Прочитать?

Л.: Между прочим, Тонино — один из ведущих поэтов Италии.

Т.: «Счастлив, действительно, доволен я был много раз в жизни. // Но более всего, когда освободили в Германии, когда я стал смотреть на бабочку без желания ее съесть».

Для меня естественно, что Параджанов так ничего и не снял о лагерной теме. Боль, которую испытываешь, переживаешь за решеткой, не уходишь — она покидает тебя сама. Когда Серджик рассказывал о жизни в лагерях, он вспоминал драматические истории (больше всего любовные) исключительных персонажей.

...Однажды Параджанов предложил мне выбрать любой из 4 сценариев и снять по нему фильм за границей. Я отказался, сказав, что это — рассказ об иной планете.

Использованы иллюстрации книги-альбома В.В.Катаняна «Параджанов. Цена вечного праздника».

Параджанов Сергей

19.04.01